

АКАДЕМИЯ ГРЕХА

Запретная Страсть

Лед и Пламя

Даже ледяное сердце Архангела
может сгореть в одном прикосновении

#запретнаялюбовь #невиннаягероиня #холодныйлидер #растопитьлёд #властьпротивчувства

Григорьев Александр

Григорьев Александр Степанович

Запретная страсть: Лед и пламя

«Литнет»

2026

Александр Степанович Г.

Запретная страсть: Лед и пламя / Г. Александр Степанович —
«Литнет», 2026

Я — заложница в Академии убийц. Он — Верховный Магистр, чей холод сравним только с жестокостью. Между нами пропасть власти, но его сердце тает от моих цветов. Мы обречены. И это прекрасно.

© Александр Степанович Г., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Заложница без имени	5
Глава 2. Взгляд сверху	8
Глава 3. Немая игра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1. Заложница без имени

Сперва была плесень.

Не та, что я изучала в оранжерее под микроскопом — стерильная, классифицированная, аккуратно занесённая в гербарий. Настоящая. Живая. Она проступала сквозь каменную кладку, как шёпот, который нельзя заглушить, и пахла сыростью, тленом и чем-то сладковатым, от чего першило в горле. Я растирала её пальцами уже час — или два, или вечность, — счищая чёрные пятна с холодной стены, пока под ногти не набилась влажная труха, а костяшки не засадило. Боль отрезвляла. Боль напоминала, что я ещё здесь. Что тело моё пока живо, даже если имя у меня отобрали вместе с завтрашним днём.

Я — заложница. Без имени. Без права голоса.

Привезли меня на рассвете, когда небо над Академией только начинало сереть, а шпили башни ещё прятались в тумане. Я не видела дороги — на голову накинута мешок, а руки стянули верёвкой так туго, что до сих пор запястья горели, будто их окунули в кипяток. Мешок пах пылью и чужим страхом. Или, может, моим собственным — сейчас уже не разобрать. Меня волокли по коридорам, я спотыкалась о ступени, один раз упала коленями на камень и услышала чей-то смех — сухой, безучастный. Потом — грохот двери, и тишина.

Это подвал. Академия — моя тюрьма.

Я знала, *почему*. Брат. Он предал Верховного Магистра, продал какие-то сведения Совету, перешёл кому-то дорогу, а теперь исчез. А я осталась — тихая, незаметная Ася, которая возилась с растениями и ни разу в жизни не повысила голоса. Идеальная пешка. Шантаж. Мне даже объяснили — голосом, лишённым интонаций, — что моя жизнь зависит от его явки. Что, если он не вернётся через две недели... Я не дослушала. Меня просто втолкнули в темноту и заперли дверь.

Теперь я растирала плесень. Пальцы онемели от холода, но я не останавливалась. Один за другим — круговые движения, от большого пятна к маленькому, будто стирала грехи с невидимого алтаря. Это помогало не кричать. Не биться в истерике. Не думать о том, что брат, скорее всего, не вернётся. Он никогда не возвращался, когда был нужен.

Вдруг дверь скрипнула. Я замерла, вжав ладонь в шершавый камень. Света не прибавилось — только сквозняк метнулся по комнате, лизнув щёку холодом, и в этой ледяной ласке мне почудилось дыхание. Человек стоял на пороге — я не видела его, но *чувствовала*, как воздух уплотнился, стал тяжёлым, почти осязаемым.

— Ты не кричишь. — Голос низкий, рокочущий где-то на грани слышимости. Не вопрос. Изучение.

Я проглотила ком, собравшийся в горле.

— А смысл? — голос мой прозвучал хрипло, сорванно, и я вдруг поняла, что не пила с самого утра.

Пауза. Я слышала, как шуршит ткань — дорогая, судя по звуку. Мантия? Костюм? Воображение рисовало высокую фигуру в чёрном, застывшую в проёме, но в темноте я не могла различить даже очертаний.

— Твой брат предал Орден. Предал меня. — Слово «предал» он произнёс так, будто выплёвывал осколок стекла. — Ты знаешь, что за это бывает.

Я молчала. Сердце грохотало где-то в горле, мешая дышать.

— Но ты здесь не за его грехи. Ты здесь — как гарантия его возвращения. Если он явится, ты выйдешь отсюда живой. Если нет...

Дверь начала закрываться. Я вскинулась, подалась вперёд, забыв о плесени, забыв о страхе, — и наткнулась на каменный выступ. Ладонь ободрала в кровь.

— Подождите! — крикнула я в темноту, и собственный голос показался чужим, отчаянным. — У меня хотя бы имя есть? Или я теперь просто «сестра предателя»?

Тишина. А потом — шаг. Один. Тяжёлый. Он вернулся и остановился так близко, что я уловила запах. Не тот, которым пропитался подвал — не плесень и не тлен. Металл. Холодный, острый, как лезвие ножа, но под ним — едва различимая нота сандала, дорогого, церковного, того самого, что я иногда чувствовала в коридорах Академии, когда мимо проходил ректорат. Верховный Магистр.

— Ася, — произнёс он, и от звука моего имени в его устах внутри что-то оборвалось. — Тебя зовут Ася. Пока этого достаточно.

Дверь закрылась. Я осталась одна — с кровоточащей ладонью, пересохшим горлом и его голосом, который всё ещё звенел в ушах, как дальний колокол. Архангел. Так его называли за глаза — я слышала эти шёпотки в библиотеке, в столовой, в аудиториях. Верховный Магистр, холодный, как мрамор, из которого сложена Академия, и такой же недосягаемый. Тот, кто решает судьбы. Тот, кто теперь держит мою.

Я отползла обратно к стене. Плесень снова проступала из-под камня — медленно, неотвратно, как правда, которую невозможно скрыть. Я вытерла руку о подол и принялась тереть заново. Кровь смешалась с чёрной трухой, оставляя на камне бурые разводы. Движение стало механическим, медитативным. Раз, два, три. Вдох, выдох. Если я остановлюсь — сойду с ума. Начну звать брата, которого здесь нет. Начну верить, что Верховный Магистр, назвавший меня по имени, способен на милосердие. А это опаснее всего.

Где-то глубоко в стенах Академии гудела вентиляция — утробно, как зверь во сне. Звук проникал сквозь камень, вибрировал в груди, мешался с ударами сердца. Я закрыла глаза и представила оранжерею. Солнечный свет, льющийся сквозь запотевшие стёкла. Влажная земля под ногтями — но не эта мёртвая труха, а живая, пахнущая торфом и надеждой. Ростки, которые я выхаживала, — тонкие, упрямые, они пробивались даже сквозь слой копоти, осевшей после прошлогоднего пожара. Там я была кем-то. Здесь я — никто.

Но он назвал моё имя.

Я помотала головой, прогоняя непрошеную мысль. Не смей, Ася. Не ищи человеческого в том, кто держит тебя в темноте. Это всё игра. Способ сделать послушной. Он, наверное, сейчас сидит в своём кабинете, перебирает бумаги, и моё имя для него — строчка в отчёте. «Заложница №1». «Сестра предателя».

Но зачем тогда пауза? Зачем этот шаг обратно?

Я с силой вдавила ладонь в камень, заставляя себя сосредоточиться на боли. Так проще. Боль — якорь. Боль — реальность. Всё остальное — иллюзия, порождённая страхом и жаждой спасения. Брат не придёт. Никто не придёт. Я сама должна выкарабкаться из этой ямы — выгрызть, выползти, вымолить, если придётся. Но не сейчас. Сейчас мне нужно просто дожить до утра.

Время в подвале текло иначе — густое, вязкое, как болотная вода. Я не знала, сколько прошло: час, три, сутки. Света здесь не было, только тьма, и в этой тьме даже веки, опущенные вниз, не давали облегчения — она просачивалась сквозь них, заливая зрачки чернотой. Я начала считать. Не про себя — вслух, шёпотом, чтобы слышать собственный голос.

— Раз. Два. Три. Четыре...

Плесень поддавалась неохотно. Пальцы скользили, ногти крошились. Я дошла до двухсот и сбилась. Потом до пятисот — и снова остановилась, потому что за дверью послышались шаги. На этот раз они были другие — торопливые, лёгкие. Не Архангел. Кто-то из подчинённых? Или... брат?

Глупая надежда всколыхнулась в груди прежде, чем я успела её задавить. Я вскочила, кинулась к двери, прижалась ухом к холодному дереву. Сердце колотилось так громко, что почти заглушало звуки снаружи.

— ...приказ Магистра, — донеслось приглушённое. — Перевести в камеру с окном. Через три дня.

— А до того?

— Кормить дважды. И чтоб вода была тёплая. Он сказал: она не должна заболеть.

Я отшатнулась. Тёплая вода. Окно. Он сказал. Эти слова не укладывались в картину, которую я себе нарисовала. Верховный Магистр, карающая длань Ордена, заботится о том, чтобы заложница не простудилась? Или это просто расчёт — мёртвый шантаж не работает? Конечно. Расчёт. Только расчёт.

Шаги удалились. Я вернулась к стене и снова принялась тереть плесень — уже машинально, не думая. Но теперь в движениях появилось что-то новое. Ритм. Упрямство. Злость — тихая, концентрированная, как яд эндемика, с которым я работала в оранжерее. Я не сломаюсь. Не ради брата, который меня бросил. Не ради Магистра, который играет в милосердие. Ради себя.

Я — Ася. Я — не просто сестра предателя. Я ботаник, который знает, что плесень — тоже жизнь. Она разъедает камень, но она же и кормит почву, когда приходит время. И я, как эта плесень, выживу. Прорасту сквозь трещины. Пробьюсь к свету, которого пока не вижу, но который — я знаю — есть где-то там, за толщей мрамора.

Спустя вечность (два часа, три? кто считает?) я услышала, как открывается засов. На этот раз дверь распахнулась шире, и в проёме замерцал огонь — свеча в чьей-то руке. Я зажмурилась от рези в глазах. А когда открыла их снова, увидела девушку в серой форме послушницы. Она молча поставила на пол поднос: миска с кашей, кружка воды, кусок хлеба. Вода и правда была тёплая — от неё шёл пар, смешиваясь с холодным воздухом.

— Спасибо, — прошептала я, и голос сорвался.

Послушница не ответила. Только посмотрела на меня странно — с жалостью? с любопытством? — и, прежде чем уйти, бросила быстрый взгляд на мою стену. На бурые разводы, на чёрные пятна плесени, которые я так и не смогла стереть до конца. А потом дверь закрылась, оставив меня наедине с ужином и тишиной.

Я взяла кружку обеими руками — так, как берут святыню. Тёплая вода обожгла губы, потекла в горло, и я вдруг закашлялась от слёз, которые не заметила, как пролила. Плесень на стене казалась теперь похожей на карту. Континенты чёрной земли, окружённые океаном сырого камня. Я провела по ней пальцем, оставляя последний след, и отодвинулась. Хватит тереть. Пусть растёт. Пусть расползается. Я буду смотреть на неё и помнить: даже здесь есть жизнь. Даже здесь.

А где-то наверху, в освещённом кабинете с высокими стрельчатыми окнами, сидел он. Архангел. Верховный Магистр. Я представила, как он смотрит в огонь камина, как тени ложатся на его лицо, как пальцы сжимают подлокотник кресла. Думает ли он обо мне? Или я для него — всего лишь разменная монета?

Глупый вопрос. Но почему-то именно он не давал мне уснуть. Я закуталась в тощее одеяло, брошенное на тюфяк, и прислушалась к шагам, которые, быть может, раздадутся в коридоре через час, через два, через вечность. Шаги того, кто знает моё имя. Кто сказал его так, будто пробовал на вкус.

Я улыбнулась в темноту — горько, надломленно, но всё-таки. Потому что даже если завтра меня не станет, сегодня я услышала, как звучит моё имя в устах Верховного Магистра. И этот звук останется со мной дольше, чем плесень на стенах.

Глава 2. Взгляд сверху

Камешек я нашла на третий день. А может, на четвёртый — в этой крошечной тьме дни слипались, как страницы промокшей книги. Маленький, с острым сколом, он завалился в щель между плитами пола и ждал, пока мои пальцы, обшаривающие каждый сантиметр, наткнутся на него. Когда я сжала его в кулаке, то едва не рассмеялась. Уголь. Самый настоящий — видимо, от давнего пожара или от старой жаровни, на которой когда-то грели воду для прежних узников. Теперь он стал моим.

Я рисовала.

Стена напротив тюфяка — та, что оставалась сухой, — постепенно покрывалась штрихами. Сначала робкими, неуверенными: один лепесток, второй, стебель, уходящий в трещину в камне. Потом смелее. Рука вспоминала движения, которые я оттачивала годами в ботанических зарисовках. Белладонна. Аконит. Ландыш — его я выводила особенно тщательно, потому что мама любила ландыши. Каждое соцветие — крошечный колокольчик, и каждый требовал точности. Я высывала кончик языка, сосредотачиваясь, как в детстве, и на какое-то время забывала, где я.

Забывала, пока не слышала шаги.

Они отличались от всех, что я слышала прежде. Тяжёлые, но не грубые. Медленные, но не нерешительные. Это не послушница с подносом. Не стражник, проверяющий засовы. Это он.

Архангел.

Сердце пропустило удар, а потом забилося часто-часто, и я инстинктивно прижалась спиной к своей картине, словно могла спрятать её собой. Глупо. Он всё равно увидит. Но я не хотела, чтобы он видел. Это моё. Мои цветы, моя память, моё маленькое сопротивление темноте.

Дверь распахнулась без скрипа — петли смазали, заметила я краем сознания. В проёме стоял он, и впервые я видела его не как тень или голос во мраке. За его спиной, в коридоре, горел факел — оранжевое пламя металось на сквозняке, выхватывая контуры высокой фигуры в чёрной мантии, широкие плечи, жёсткую линию подбородка. Свет не доставал до глаз — они оставались в тени, два провала, от которых веяло холодом большим, чем от каменных стен. Он замер на пороге, и я почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый. Оценивающий. Так смотрят на страницу отчёта, который не обещал ничего интересного, но внезапно зацепил.

Я молчала. Он тоже. Тишина висела между нами — плотная, осязаемая, как тот запах старой бумаги и холодного мрамора, что просачивался в подвал вместе с его присутствием. А потом он шагнул внутрь. Один шаг. И дверь за ним закрылась сама собой — я не заметила, чья рука её толкнула, стража или его собственная. Мы остались вдвоём в полумраке, где единственным источником света теперь был крохотный факел в коридоре, пробивающийся сквозь щели.

— Чем ты занята? — Его голос разорвал тишину, как лезвие — шёлк. Ни злобы, ни любопытства. Только холодная констатация. Он спрашивал так, будто уже знал ответ.

Я не успела придумать ложь. Да и зачем? Он видел — я знала, что видел, ещё до того, как он переступил порог. Этот человек, казалось, видит всё, даже в темноте.

— Рисую, — сказала я и сама удивилась, как спокойно прозвучал мой голос. Почти буднично. — Цветы.

Он сделал ещё шаг — ближе. Теперь я различала запах. Металл и сандал — тот самый, что впитался в его мантию, в его кожу, и, наверное, в саму его суть. Запах власти, подумала я. Или одиночества? Непонятно, почему эти два слова вдруг сплелись в голове. Но они сплелись.

— Цветы, — повторил он. Не вопрос. Просто проба слова на вкус. — В подвале. На стене, с которой ты три дня назад соскребала плесень.

— Три дня? — я вскинула бровь. — Уже три? Я сбилась со счёта.

Он не ответил. Вместо этого подошёл к стене — не ко мне, а к рисункам, — и замер. Я видела, как его глаза (всё ещё в тени, но теперь ближе, и я могла различить, что они светлые — серые? голубые? — стальные, как клинок) скользят по штрихам. Ландыш. Аконит. Белладонна — её я нарисовала вчера, когда было особенно тоскливо, и ядовитая красота колокольчиков отчего-то успокаивала.

— Ты ботаник. — Теперь в его тоне прорезалось что-то новое. Не вопрос, но уже и не утверждение. Скорее — мысль, которую он формулировал вслух для самого себя.

— Да. Четвёртый курс. Специализация — эндемики и...

— Я знаю, кто ты.

Он оборвал меня на полуслове, и я замолчала, прикусив губу. Конечно, знает. У него на столе, наверное, лежит моё личное дело — с фотографией, где я шуюсь на солнце, и с оценками по всем предметам. Ася, двадцать один год, сирота при живом брате-предателе. Удобно. Прозрачно. Нечего добавить.

Но тогда зачем он спустился?

Я посмотрела на него — прямо, впервые за всё время. Обычно я отводила глаза, когда ощущала на себе чужой взгляд. А тут — нет. Может, потому что темнота придавала смелости. Может, потому что он всё равно уже видел меня — жалкую, испачканную углём, с искусанными губами и сбитыми в колтун волосами. Терять было нечего.

Он стоял вполоборота к факельному свету, и теперь я заметила то, чего не видела раньше. Прядь волос, прилипшая к виску — на улице, значит, шёл дождь, и он не стал ждать, пока высохнет. Тонкая нить шрама над левой бровью — старая, едва заметная, но если присмотреться... И пальцы. Длинные, холёные, без единого кольца — они сжимали край мантии так, что костяшки побелели. Напряжение. Он был напряжён. Не так, как я — липким страхом. По-другому. Будто внутри него боролись два желания, и ни одно не могло победить.

— Ты не просишь, — произнёс он наконец. — Не плачешь. Не пытаешься торговаться. Почему?

Я пожала плечами. Жест получился дерзким, но я не вкладывала в него дерзости. Просто устала.

— А смысл? Слёзы вам не нужны. Информации у меня нет. Брат... — я запнулась. Имя брата застряло в горле. — Брат не придёт. Я знаю его лучше, чем ваши досье. Ему плевать.

Он развернулся ко мне полностью. Теперь я видела его глаза — светло-серые, почти прозрачные, как лёд на весеннем озере, когда он ещё крепок, но уже готов треснуть от первого тёплого луча. В них что-то дрогнуло. Может, тени от факела. Может, нет.

— Если ты знаешь, что он не придёт, — медленно, будто пробуя каждое слово на прочность, сказал он, — то ты знаешь и то, что тебя ждёт.

— Знаю, — кивнула я. Удивительно, но голос не сорвался. — Смерть. Или жизнь в этой клетке, пока я не стану бесполезной. Я не глупая, Верховный Магистр.

Он вздрогнул. Почти незаметно — просто тень пробежала по лицу, а пальцы сжались ещё крепче. Я назвала его титул. Его никто так не называл в этом подвале — стража говорила «он», «Магистр», «хозяин», но не «Верховный Магистр», потому что боялась. А я не боялась? Боялась. Просто мой страх перегорел в ту первую ночь, когда я растирала плесень, пока пальцы не онемели. Теперь на его месте выросло что-то другое. Упрямство. Или глупость. Или странное, болезненное желание доказать этому ледяному человеку, что я — не просто строчка в отчёте.

— Почему цветы? — спросил он вдруг.

Вопрос застал меня врасплох. Я ожидала угроз, требований, может, даже грубости. Но не этого. Он стоял перед стеной, испещрённой моими каракулями, и смотрел на ландыш так, будто видел его впервые в жизни.

— Потому что... — я замялась, подбирая слова. — Потому что они настоящие. Даже здесь. Даже нарисованные углём на сырой стене. Они — часть мира, который у меня отобрали. Я хочу помнить, что он существует.

Он молчал долго. Так долго, что я услышала, как где-то наверху, в толще камня, гудит вентиляция — утробно, как дыхание огромного зверя. Потом он поднял руку и коснулся рисунка. Всего одним пальцем — осторожно, словно боялся испачкаться. Провёл по стеблю ландыша, по дуге лепестка. Уголь смазлся, оставив на его коже серый след.

Я затаила дыхание.

— Ты не первая, — сказал он глухо. — До тебя здесь держали многих. Они кричали. Царапали стены. Умоляли. Некоторые пытались убить себя, лишь бы не ждать.

Его палец замер на цветке. Он убрал руку и повернулся ко мне. Теперь в его глазах было что-то, чего я не могла понять. Не жалость. Не сочувствие. Скорее — тень узнавания.

— Ты рисуешь цветы, — закончил он. — И не просишь пощады.

— А вы бы её дали? — тихо спросила я.

Он не ответил. Но и не отвёл взгляд. Мы стояли друг напротив друга в этом сыром подвале, разделённые аршином пола и пропастью статусов — Верховный Магистр и заложница без имени, — и впервые за всё время мне показалось, что пропасть эта чуть сузилась. Совсем чуть-чуть. На толщину угольного следа на его пальце.

— Я прикажу принести тебе бумагу, — произнёс он отрывисто, будто отдавая приказ не мне, а самому себе. — И уголь. Настоящий, для рисования. Стены Академии достаточно стары, чтобы портить их и дальше, но...

Он осёкся. Будто сказал лишнее. Резко развернулся и направился к двери. Мантия взметнулась за спиной, как вороново крыло. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как по позвоночнику бежит странное тепло. Не от его обещания. От его паузы. От этого незаконченного «но».

У самой двери он замер. Положил ладонь на засов — ту самую ладонь, на которой ещё темнел след моего ландыша, — и обернулся через плечо.

— Ася.

Моё имя. Снова. Во второй раз за вечность. Я приросла к полу.

— Спасибо, — прошептала я. Глупо, нелепо, но это слово вырвалось само, потому что я не знала, что ещё сказать.

Он смотрел на меня ещё мгновение. А потом уголок его губ дрогнул — настолько мимолётно, что я могла бы принять это за игру теней. Могла бы, если бы не видела, как сталь в его глазах на секунду стала водой.

— Я думал, моя сила — только в страхе, — сказал он тихо, почти неслышно. — Ты всё ещё здесь. Со мной. И не боишься.

Он вышел. Дверь закрылась. Я осталась одна, прижимая испачканные углём пальцы к груди, где сердце выбивало бешеный ритм. Он думал вслух. Он не должен был произносить это — ни мне, никому. А произнёс.

Я опустилась на тюфяк и уставилась на стену, где аконит переплетался с белладонной. Архангел. Верховный Магистр. Человек, который спустился в подвал, чтобы допросить узницу, а вместо этого оставил на её рисунке свой след. И обещал бумагу.

Пальцы всё ещё дрожали. Но уже не от холода.

Я наклонилась, подняла с пола камешек-уголь — тот самый, острый, — и прижала его к губам. От него пахло гарью и свободой. Той свободой, которую не дарят, а отвоёвывают по миллиметру. И сегодня я отвоёвывала миллиметр. Может, даже два.

За стеной затихали шаги. Гул вентиляции стал громче, заполняя тишину. Я закрыла глаза и увидела его лицо — таким, каким оно было, когда он смотрел на ландыш. Лёд, тронутый первой трещиной. Ещё не весна. Но уже не вечная мерзлота.

«Ты всё ещё здесь. Со мной».

Я улыбнулась в темноту. Впервые за три дня — или четыре? — по-настоящему.

Глава 3. Немая игра

Он вернулся не на следующий д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.